

Слова, что должны быть сказаны

Тору Мотидзуки

После визита Маркуса Тору не стал терять время, уже на следующее утро отправившись по оставленному ему адресу, чтобы уже очень скоро убедиться в том, что полагаться на другого было не самым разумным решением. То ли парень что-то перепутал, то ли специально дал ему неверную информацию, но ни Яреци, ни ее сотоварищей Тору не обнаружил. Сам он склонялся к первому варианту, считая Маркуса весьма ненадежным субъектом, но поскольку это мало на что влияло изливать свое недовольство на нерадивого помощника не стал, снова отправившись на поиски. И, в итоге, этот день можно было бы считать столь же бездарно прожитым, как и предыдущие если бы не полученное вечером сообщение от все того же Маркуса о том, что Яреци у него, и приглашение навестить их утром.

Если бы Тору спросили, что именно он почувствовал, получив известия о жене, он при всем желании не нашел бы, что ответить. И если раньше он куда-нибудь пристроил бы дочь и помчался проверять, в каком состоянии находится Яреци, то сейчас отделался хоротким "хорошо", прикидывая, что ему делать дальше и, в итоге, решил пока не обнадеживать дочь, не зная, с чем ему предстоит столкнуться.

С утра, оставив Кимико в садике, Тору отправился по указанному в сообщении адресу. После первой ошибочной информации, полученной от Маркуса, он не был полностью уверен в скорой встрече с блудной женой, но примерно в то время, когда его и ожидали, дисциплинированно звонил в нужную дверь, плохо представляя, что будет делать дальше.

Маркус Агирре

Всю ночь Маркус провел рядом с сестрой, понимая, что не испытывает к ней той же неприязни и прохлады, что было раньше. Сейчас она для него была жертвой даже не обстоятельств, а насилия. Он видел заживающие раны от плети на ее спине, он понимал, что она пережила сущий ад, и он не был уверен, что Тору сможет дальше жить с ней. Это, кажется, понимала и сама Яреци, потому что, напившись, стала бояться, что Тору ее никогда не простит, и тогда ей остается только одно - покончить жизнь самоубийством. Она кричала, билась в истерике, а потом заснула на руках у Маркуса. Он остался с ней и не отходил от нее. Свою рану он промыл и заклеил пластырем. Лечить ее не было сил.

А утром пришел Тору. От звонка в дверь Маркус проснулся и встал на ноги. Всю ночь он просидел около кровати Яреци, которая спокойно уснула только часа два назад. Молодой человек протер лицо руками и направился к двери. От неудобного положения болело все тело, но он поспит потом, когда его сестра помирится со своим мужем. Она должна помириться...

- Доброе утро, Мотидзуки-сан. Яреци пока еще спит. Она... ей ночью было плохо. Проходите на кухню, я сделаю вам чай, - предельно вежливо сказал молодой человек, пропуская его в квартиру и уходя на кухню. Бок сильно болел, но своими болячками он займется потом. Он включил чайник и подошел к окну.

Тору Мотидзуки

Дверь открыли не сразу, и Тору уже собирался звонить снова, как перед ним появился помятый взлохмаченный Маркус, выглядящий так, словно его только что вытащили из кровати. Хотя именно так оно, скорее всего, и было, что вызывало предположения о тяжелой бессонной ночи.

- И что с ней? - спросил Тору, снимая ботинки и куртку. Искать Яреци и смотреть, как она там спит, мужчина пока не собирался, предпочитая для начала выяснить все интересующие его моменты. А их накопилось немало, и только получив ответы на все имеющиеся вопросы, Тору смог бы определиться, что именно ему делать дальше.

- Кстати, ты специально дал мне неправильный адрес, чтобы все решить самому? - уточнил он, заходя на кухню. Чай его не интересовал совершенно, но раз Маркус собирался следовать определенным ритуалам, Тору не собирался их нарушать. Торопиться ему особенно было и некуда. С его работой из-за последних событий все было и так более чем плохо, так что очередной пропущенный день только лишь увеличивал глубину той ямы, в которую он попал, но не вносил собой глобальных изменений. А разобраться со всей этой ситуацией стоило как можно быстрее, хотя бы ради Кимико, которой сейчас приходилось страдать больше, чем кому бы то ни было.

Маркус Агирре

Вопрос мужчины он услышал уже на кухне, но не торопился на него отвечать. Потому что он не знал, как на него ответить. Он вздрогнул, когда чайник выключился, и прислонил руку к боку. Под пластырем чувствовалось что-то влажное.

- Она... вчера серьезно пострадала. А после того, как я ее привез сюда, у нее случилась истерика. Она перебрала алкоголя, я дал ей немного, чтобы она успокоилась, но она быстро все выпила. Прошу простить меня. - Сказал молодой человек и покорно опустил голову. Со стороны могло показаться, что он подлизывается, он бы поставил все свое состояние на то, что Тору так и подумал, но на самом деле у молодого человека не было и мысли на это.

- Неправильный адрес? - Удивился молодой человек. - Наверное, я перепутал иероглифы, когда шмонал документы. Но...

Он помнил, что Мотидзуки Тору хорошо дерется. Возможно, ничего бы этого не было, если бы он сообщил Тору, куда отправились этот м*дак и Яреци. Если бы он догадался...

- Я... понимаете, он пытался ее изнасиловать. Я отпугнул его, и... она очень сильно боится, - сказал молодой человек, посмотрев в глаза Тору. - Я не знал, что дал вам неправильный адрес.

Он налил в кружки чай и поставил одну на стол перед женщиной, а вторую оставил себе. Сел на стул и помассировал пальцами руки виски.

Тору Мотидзуки

Тору догадывался, что ничего хорошего от Маркуса он не услышит. Он мало что знал о подобных организациях, поскольку никогда этим вопросом не интересовался. И, как оказалось зря, поскольку эта гниль проникла в его собственный дом и постаралась испортить все, что только было можно.

- Понятно, - глухо произнес Тору, выслушав признания до конца. То, что Маркус что-то там перепутал его никак не тронуло, поскольку именно это он и предполагал. А вот все остальное... Выходило, что Яреци в попытке убежать от удушающей рутины, чуть было окончательно не поломала себе жизнь. И, что самое печальное, ее уход из дома, приведший к таким ужасающим последствиям, был не болезнью, а лишь симптомом. А потому ему приходилось принимать очень непростые решения, без которых следующая подобная "вспышка" девушки, а Тору больше не сомневался, что рано или поздно она случится, имела все возможности закончиться тяжелым физическим или психологическим увечьем.

- Спасибо, что защитил ее. Мне нужна будет вся информация на этих людей, которую ты смог собрать, с адресами и всем прочим. - Оставлять подобные дела безнаказанными Тору не собирался. И если раньше из-за Яреци он боялся вмешивать полицию или предпринимать слишком решительные действия, то сейчас подобной проблемы у него уже не имелось, и мужчина уже прикинул каких знакомых следует подключить, чтобы заинтересованные лица вышли на эту организацию как можно быстрее. Сам же Тору, будь немного моложе, лично бы "поговорил" с отдельными ее представителями, но с годами он научился думать и не навлекать лишних неприятностей на свою семью.

Маркус Агирре

- Да, конечно. Я вам все предоставляю, но только не сейчас. В смысле, сегодня, чуть попозже. Вы меня не слушаете, но мне кажется, это надо сделать анонимно. Просто журналисты очень любят всякие сенсации.

Он замолчал, почувствовав боль в ране. Наверное, надо постараться ее обработать, воспользоваться умениями в области врачевания, чтобы остановить кровотечение, но он не был уверен в своих силах, да и не помнит, какой энергией надо останавливать кровь. Поэтому он решил отлежаться. Сначала он хотел попросить у Тору о помощи, чтобы тот хотя бы помог ему обработать рану, но потом вспомнил, что всю жизнь он только и делал, что что-то просил. Стало совсем тоскливо, и он вздрогнул. Ему никто не обязан помогать, жалеть его, успокаивать, потому что, по его неправильному мнению, он никогда не делал ничего хорошего. А все его поступки, когда он спасал Джуна, брата Цэрин Лхаце, отца и Тору в Африке, он считал просто импульсивными поступками. Когда сначала делаешь, а потом думаешь. За это не благодарят. Он считал, то любой бы так поступил. Только сомневался, что кто-то стал рисковать жизнью из-за него самого. И от этого было тоскливо и больно. Где-то в груди щемило.

- Вы... простите ее? - Вырвалось у него, и он закрыл глаза. Из-за боли начала подниматься температура. Снова стало больно и тоскливо. Он навсегда останется одинокой гиеной, которая не будет нужна никому.

Надо все бросить, завтра вернуться в Токио, отдать отцу документы и продолжить учебу в институте. И заниматься воспитанием брата.

Яреци Фернандез

Сон без сновидений пришел слишком поздно, а потом в сознание проник звонок. Шаги. Голоса и щелчок. Выключился чайник. Девушка вздрогнула и открыла глаза. В комнате было темно, но эта темнота была из-за закрытых штор. Она попыталась сесть на кровати, а когда это получилось, то зажала голову руками. К горлу подкатил комок тошноты, и она сглотнула и зажмурилась. Было очень больно, страшно и неприятно. Хотелось позвать кого-то, но вдруг Маркус ушел, и она осталась одна? Сильно хотелось пить, и она посмотрела по сторонам. На тумбочке стоял стакан с водой, а около кровати стояло ведро. Девушка вздрогнула и покраснела. Выпила воду и почувствовала тошноту. Ее вырвало на одеяло, и она забилась в угол кровати и задрожала. Тело пробивала крупная дрожь, было страшно и больно. Ей никто не поможет. Тору не будет с ней носиться. Он будет всю жизнь смотреть на нее с отвращением, а Кимико он никогда больше не подпустит к ней.

Она посмотрела на свои руки. На пальце не было обручального кольца, и она побледнела. Тору теперь точно никогда ее не простит, ведь это было самое настоящее предательство. Ей показалось, что теперь она не будет никому нужна. Что теперь делать? Зачем Маркус ее спас? А если бы ее изнасиловали? То тогда не было бы никакого разговора о том, чтобы вернуться к мужу и дочке. Для Тору она бы умерла. Он бы никогда не простил ее.

Голова сильно болела. Она хотела закрыть глаза, но видела эту комнату, слышала свист плетей, рассекающих воздух, и почти реально ощущала удары. Она никогда этого не забудет, но она не имеет права никому жаловаться. Она сама виновата в этом. Она сама ушла тудп. Она делала жизнь любимого мужа и дочки невыносимой. Он... спас ее из плена, чуть не погиб из-за этого, а она... Она никогда никого не ценила.

Послышались голоса. Она встала с кровати и пошатнулась. Сняла с себя джинсы и надела белый махровый халат. Эти действия сопровождались сильной болью в спине и головокружением. Складывая джинсы, она увидела, как из кармана выпадает что-то. Это было обручальное кольцо. Она подняла его с пола, чуть не упала, и зажала в руке. После всего, что она натворила, она не имела права носить кольцо и называть себя его женой.

С большим трудом она дошла до кухни.

- Маркус, я... - сказала она, а потом увидела Тору. Сильно вздрогнула и отошла на шаг. - Т...Тору?

Сердце пропустило удар, и она сильно сжала руку в кулак. Настолько сильно, что ногти впились в кожу. Сердце пропустило удар. Хотелось убежать, спрятаться, исчезнуть. Почему ее вчера не убили? Почему она не сдохла? Тело бросило в пот, оно сильно задрожало, а на глаза выступили слезы. Сейчас он скажет, что не желает ее больше видеть и будет добиваться через суд, чтобы никогда ее не подпускали к Кимико...

Тору Мотидзуки

Тору безумно раздражала эта черта Маркуса постоянно учить его, что и как делать. Причем мнения парня он, насколько помнил, не спрашивал ни разу, что, собственно, не мешало тому постоянно его высказывать, вызывая желание ответить что-нибудь резкое. Но на этот раз мужчина сдержался, сделав вид, что просто ничего не слышал, и переключился на заданный вопрос, тоже не вызывающий у него особого восторга.

- Это не та ситуация, когда нужно говорить о прощении или его отсутствии. В этом нет никакого смысла. А если тебе интересно, вернется ли все к тому, что было раньше - то нет, не вернется. - Об этом Тору мог говорить со стопроцентной уверенностью. Возможно, он сам не годился на роль мужа, раз женщины рядом с ним чувствовали себя несчастными, но будь причина в нем или в чем-то другом - растягивание агонии только лишний раз причиняло всем боль, и терпеть эту боль, понимая, что за ней не последует "выздоровления", он больше не видел смысла.

Закончить свою мысль Тору не успел, поскольку на кухне появилась Яреци, чей внешний вид только подтверждал правильность его решения. Бледное осунувшееся лицо, синяк на скуле - это только то, что бросалось в глаза сразу. Но хуже всего был страх, с которым девушка, формально все еще остающаяся его женой, смотрела в его сторону.

- Маркус, - негромко обратился Тору к нежелательному в данной ситуации свидетелю. - Ты можешь нас ненадолго оставить?

Яреци он пока так и не сказал ни слова, чувствуя, что для начала ему придется собраться с духом. Но и оттягивать непростой разговор Тору не хотел, а потому надеялся, что девушка, понимая всю серьезность ситуации, не станет ее усугублять, пытаясь помешать ему сказать то, что так или иначе должно было прозвучать уже сегодня.

Маркус Агирре

Начала кружиться голова, и он отпил еще немного чаю. Потом плюнул на все и посмотрел на мужчину, силуэт которого расплывался. Оставалось надеяться, что он не подойдет, потому что, кажется, рана снова начала кровоточить и воспалилась. Надо собраться с силами и вспомнить как лечить раны. А можно просто поехать в аэропорт, чтобы улететь отсюда. В Токио будет проще. Наверное.

Он вздохнул, а потом в дверном проеме появилась сестра. Вида она была неважного, даже отвратительного. Он покачал головой и кивнул, когда Тору попросил их оставить. Хотелось отдать им ключи, объяснить, куда их потом отнести, а самому уехать. Отец, конечно, будет недоволен, но там должно быть легче. Потому что там есть брат и мачеха, с которыми можно поговорить.

- Да, конечно, - он отпил чай и поставил кружку на стол. Встал и подошел к ней, стараясь, чтобы его походка была нормальная, но ему казалось, что его шатает. Он остановился около сестры. - Если ты хочешь, чтобы он говорил с тобой, не реви. Ты сама виновата в этом. Я спас тебя только из-за того, что тебя пытались изнасиловать. Он не простит тебя, но в твоих интересах, чтобы он тебя послушал.

Договорив это, молодой человек похлопал ее по плечу и направился в одну комнату. Хоть бы дойти до кровати и не сдохнуть здесь...

Яреци Фернандез

Тору был холодным, и от этого было страшно. Он ненавидел ее, он никогда ее не простит. Она сама себя ненавидела и никогда не простит себя. Ненавидела за то, что так и не смогла сделать этого "одинокого странника с раненым сердцем" счастливым. Если бы можно было повернуть время вспять, то она бы, наверное, в тот день вообще бы не подходила к дубу или ушла бы сразу, как только с ним столкнулась. Она хотела уйти, но... почему она тогда не ушла? Ее заинтересовал тот мешочек, в котором был тессен.

Она посмотрела на свои руки. Этими руками она не умела ничего. Ни готовить, ни драться, ни махать палками. Она не умела совсем ничего, только вечно грустить и плакать. Тору не обязан с ней носиться. Тору не должен страдать из-за нее. Нужно смириться.

К ней подошел Маркус, и его слова не задержались в сознании, но больно резанули по нему. Она сильно вздрогнула, вспомнив про изнасилование, а потом рассеянно кивнула. Нельзя плакать и, наверное, надо что-то сказать.

- Тору, я... - голос дрогнул. - Я... виновата. Мне нечем себя оправдать. Я понимаю, что ты меня никогда не простишь, но... - она запнулась. Слез она сдержать не могла, они застыли в ее глазах. - Я... люблю тебя, я буду всегда любить тебя и... твою... нашу дочку.

Слова застряли в горле, и она поняла, что если еще что-то скажет, то разревется. Как всегда. И Тору никогда не простит ее. Она покорно опустила голову и посмотрела на кулак, разжала его и увидела свое обручальное кольцо. Сильно вздрогнула и пошатнулась. Стоять было очень тяжело, но она не имела права быть слабой. Тору не обязан с ней носиться.

Тору Мотидзуки

Надо было отдать Маркусу должное, со своими советами он больше не лез, не пытался ничего комментировать, да и вообще, сразу покладисто ушел с кухни, как только его попросили. Правде вид у него при этом был какой-то сомнительный и больше подходящий человеку, собирающемуся в ближайшее время отключиться, но задавать ему вопросов Тору не стал, посчитав, что взрослый человек сам в состоянии понять, нужна ему чужая помощь или нет. И раз парень молчал, то он предпочитал думать, что не нужна.

- Садись, - повернулся мужчина к Яреци, когда Маркус ушел, - сомневаюсь, что разговор закончится быстро. - Понимая, что девушка может остаться стоять, как упрямый столб, Тору первым сел на стул, снова окидывая ее взглядом. Никакие слова о любви не могли сравниться с внешним видом, лучше чем что-либо другое показывающим нелицеприятную правду об их взаимоотношениях.

- Яреци, - начать было нелегко, но Тору, приложив некоторые усилия, все-таки смог

перейти к болезненной для них обоим теме. - Не нужно извиняться или оправдываться. И, пожалуйста, не перебивай, пока я буду говорить. - Чтобы лучше сконцентрироваться, мужчину потер переносицу, сделал глубокий вдох, а затем продолжил. - То, что произошло, показывает только одно - наша семейная жизнь настолько тебя тяготила, что ты предпочла поверить кому угодно, кто пообещал тебе другую, более легкую и приятную жизнь. Я неплохо тебя знаю и не сомневаюсь, что сейчас ты в очередной раз думаешь, зачем вообще со мной связалась. И это обидно. Очень обидно, поскольку показывает твои сожаления о наших взаимоотношениях, в которых ничего хорошего ты не видела и не видишь. Вероятно, ты, в силу своих лет, хотела красивой сказки, а получила ребенка и тяжелый быт. И за то, что отнял у тебя возможность наслаждаться радостями юности я извиняюсь. Но ты все еще очень молода и вполне можешь начать новую жизнь. А я больше не буду привязывать тебя к себе или к Кимико.

Когда-то давно Тору уже приходилось проходить через нечто подобное, только на этот раз ему было в разы больнее. Но вспоминая, что то его решение оказалось правильным и помогло Харуке состояться и как профессионалу, и как женщине, он решил идти до конца, что бы там при этом ни чувствовал.

Яреци Фернандез

Тору молчал долго. Потом он попросил ее сесть. Она вздрогнула, когда он шевельнулся, испугавшись, что он хочет подойти к ней. Сердце сжалось в маленький комок, а потом заколотилось. Но он просто сел на стул. Девушка направилась за ним и тоже села на стул. Кивнула, что не будет его перебивать.

А потом Тору начал говорить. И каждое его слово отдавалось глухим и тяжелым эхом в ее сознании, а в сердце как будто вонзались острые иголки. Она сглотнула и закрыла глаза. Сейчас говорить было бесполезно и очень страшно. Потому что уже все было кончено. Неужели все действительно кончено?

Она снова сильно сжала руки в кулаки и стиснула челюсти. Нельзя плакать. Нельзя. Она виновата. Из-за своей глупости, эгоизма и всего остального она потеряла самого любимого человека. Двух людей.

Кимико. Она больше никогда не увидит дочку? Что ей теперь делать? Как ей быть?

- Я... Тору, я... ты мне неверишь, но я... мне кажется, что я писала тебе сообщение... о Боже, я забыла комбинацию. Прости меня... я... можно я оставлю свое кольцо у себя? Они хотели, чтобы я его выкинула, но... они не знали, что я не выкинула его.

Она разжала руку и показала ему кольцо. А потом всхлипнула. Было очень больно и страшно. Но ведь уже все решено, он все решил.

- Прости... - прошептала она, глотая комок слез...

Тору Мотидзуки

- Я же просил тебя не просить прощения, - устало произнес Тору, решив прокомментировать только последнее слово Яреци. Никакого сообщения он от нее

не получал, да и если бы получил, то это мало на что бы повлияло. Что же до кольца - оно принадлежало девушке, и не ему было говорить, что и как с ним делать.

- Поступай, как считаешь нужным. - Он не стал уточнять к чему именно относится его фраза. - И вообще, теперь свое будущее определяешь только ты сама. Если ты захочешь, я не буду мешать тебе общаться с Кимико или куда-то брать ее с собой, но и настаивать не стану, если ты решишь начать новую жизнь. Квартиру, в которой мы жили, я продам. Добавив кое-какие имеющиеся сбережения сможем купить две небольшие квартирки в районах попроще. Либо твою часть я отдам тебе деньгами. Это ты решишь сама. Также могу помочь тебе в течение первого месяца, а вот в дальнейшем на меня уже не рассчитывай. Когда у меня что-то прояснится с работой, отправимся в Японию, чтобы все оформить официально.

Стоя в свое время в католическом храме и давая обещание всегда быть рядом с этой женщиной, Тору и представить не мог, что уже очень скоро начнет обсуждать вопросы, касающиеся развода. Но реальная жизнь совершенно не походила на красивую сказку, а значение пышных обрядов по сравнению с бытовыми вопросами оказывалось сильно преувеличенным.

- Яреци, думай о том, что это возможность начать жить именно той жизнью, какой тебе всегда и хотелось. Отучиться, завести друзей и молодого возлюбленного, с которым будет много романтики и мало быта. И прости, если я был плохим мужем.

Тору отвернулся и начал изучать стоящую на столе кружку с остывшим чаем. Смотреть на девушку и осознавать, что как муж и жена они общались последний раз, было тяжело. Но он обязан был через это пройти, чтобы дальше всем стало хоть немного легче.

Яреци Фернандез

- Т... Тору... - только и смогла сказать девушка, испуганно глядя на мужа. Она сжала кольцо в руке и прислонила кулак ко рту. Стало невыносимо, больно и очень тошно. Тошно от того, что она не смогла сделать ничего для своего любимого. Она любила Тору, и она не знала, как будет жить без него. Она вообще не знала, как жить дальше.

Но квартира... это же его подарок. На день рождения. На день, когда она родила ему маленькую дочку. На ее день рождения. Он не может, не должен ее продать. Было страшно, и она не знала, что делать. Неужели это действительно конец?

- Нет. Я... я... мне... не продавай эту квартиру. Я... прошу тебя, Тору, не делай этого. Здесь... там началась... это... там родилась Кимико. Оформи на нее квартиру, пожалуйста. Я не буду у тебя ничего просить.

Она снова поджала губы, стараясь не разреветься. Было отвратительно. А потом она с большим трудом встала со стула и пошатнулась. Уронила стул и сама чуть не упала. Заболела спина, там, где были шрамы. Ее вчера били. Сильно и долго. И было очень больно. Она подошла к мужу и осторожно положила руку на его плечо. Но потом убрала.

- Я... можно тебя обнять? Я хочу запомнить твой запах. Я... пойму, если тебе будет неприятно, я уйду, чтобы никогда больше не напоминать о себе. Спасибо, что... спасибо тебе... за все.

Говорить было сложно, почти невыносимо. Она готова была упасть в его ноги, целовать его, каяться, чтобы он дал ей еще один шанс. Самый-самый последний. Но ему этого не надо. Или надо? Она не знала.

Тору Мотидзуки

- Не говори глупости. Эта квартира принадлежит нам обоим. В нее вкладывался и твой отец, так что мое решение можно считать оптимальным. - Напоминание о том, сколько моментов их совместной жизни было связано с этой квартирой заставило Тору еще сильнее захотеть ее продать. Он сильно сомневался, что сможет жить там, где все было словно пропитано присутствием Яреци. И если даже эти несколько дней после ухода жены он предпочитал спать в гостиной, чувствуя себя неуютно в их общей кровати, то чего уже было говорить о ближайших тяжелых месяцах в давящих стенах.

Прикосновение руки к его плечу заставило Тору вздрогнуть. Смотреть на Яреци в том состоянии в котором она сейчас находилась было невыносимо больно. Но жалось могла все только усугубить. Прояви он сейчас слабость, и все вернулось бы к тому, с чего и начиналось - к слезам, страданиям, его попыткам понять, что же делать дальше и очередному неминуемому срыву еще через год или два. И, в любом случае, для них обоих это был тупик, что он постепенно начал осознавать после ухода Яреци и окончательно понял, когда увидел ее истерзанной физически и морально.

- Не стоит усугублять и делать нам обоим больнее. - Тору не был уверен, что сможет сдержаться, если Яреци решит его обнять. Ему самому не нужно было напоминать ее запах, он и так словно впитался в его собственную кожу. Скорее он хотел забыть. Забыть хотя бы на минуту, но прекрасно понимал, что это было невозможно.

- Значит ты все-таки решила оставить Кимику? - серым голосом уточнил он. Почему-то сейчас ему вспомнился насмешливый голос Шотаро, который говорил о том, что он, благодаря своему выбору, когда-нибудь останется с маленьким ребенком на руках. И осознавать, что брат, который в свое время схлопотал от него по лицу, оказался прав было до отвращения неприятно, как и видеть, что один из самых первых прогнозов матери сбылся даже раньше, чем он мог когда-то предположить.

Яреци Фернандез

- Не надо, прошу тебя. - Она отошла от него на шаг, так и не решившись его обнять. Стоять было очень тяжело. Хотелось забиться в угол и выть. Рвать на себе волосы. - Прощу, не делай этого. Я... я найду денег, чтобы тебе снимать квартиру. Но... пожалуйста, не делай этого. Не продавай эту квартиру. Это дом. Наш. Я... я не смогу жить без нашей квартиры. Понимаешь, не смогу! Мне не нужна другая квартира, мне не нужно ничего! Я... боюсь, Тору, очень сильно боюсь, что мы никогда не сможем больше жить вместе, но... с этой квартирой связано столько воспоминаний.

Она хотела подойти к Тору и обнять его, поцеловать, но не стала это делать. Она осталась стоять. Почему-то неожиданно навалилась какая-то усталость, хотелось лечь спать. Она глубоко вздохнула и посмотрела на ладонь, на которой лежало кольцо.

- Спасибо тебе, любимый, за все. Я... буду сильной. Я... если можно, я хочу через несколько дней навестить дочку. Я заберу ее из садика и погуляю с ней, хорошо? - Она хотела сказать "завтра", но потом поняла, что не сможет завтра выглядеть бодрой и веселой. Кимико не должна страдать. - В четверг, хорошо?

И, не дожидаясь ответа, она ушла. Больше не о чем было говорить с Тору. Она боялась сорваться. Она отправилась в комнату и, сняв халат, укрылась одеялом и заснула...

Тору Мотидзуки

Судя по тому, что говорила Яреци, она не осознавала до конца всю специфику ситуации. Девушка пыталась цепляться за прошлое, в то время, как следовало подумать о будущем. И жить дальше. Тору и раньше приходилось принимать непростые решения, и одно он усвоил четко - сделав шаг вперед, не стоило оглядываться назад. Даже если очень хотелось. Ну а то, что в Японии станет на одного недовольного тестя больше... Тору собирался принести Моррису свои извинения, даже если тот не сможет их принять.

Ответа на свою просьбу встретиться с Кимико в четверг Яреци так и не дождалась. Но это было и не так важно, поскольку Тору уже обещал, что никоим образом не будет мешать ее взаимоотношениям с дочерью. Правда как объяснить ребенку происходящее мужчина представлял слабо. Пока девочка думала, что мама уехала, как уезжала в свое время в Испанию, но уже через несколько дней ей предстояло узнать, что мама в Пекине, но просто не живет с ними.

Понимая, что от всего этого у него скоро взорвется голова, Тору решил оставить все вопросы с сектантами на более позднее время, позвонив Маркусу и уточнив все интересующие его вопросы. А пока он собирался отправиться в университет и попытаться замолить накопившиеся профессиональные грехи, поскольку ни на чью помощь рассчитывать ему не приходилось. И за порогом этой квартиры, который Тору постарался переступить как можно быстрее, ответственности становилось только больше.
